

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания*

Вал. А. Луков, Вл. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Тезаурусный подход применяется многими российскими учеными как методология гуманитарных и социальных исследований. В основу этих исследований положено определение тезауруса как полного систематизированного свода освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. В статье авторы ставят цель показать, как фактор понимания структурирует тезаурус, обеспечивает его целостность и эффективное применение субъектом для жизнеобеспечения и саморазвития.

Авторы утверждают, что понимание обладает свойствами унифицировать взаимодействующие тезаурусы и в то же время индивидуализировать их, исходя из различий субъектов. Субъектная организация гуманитарного знания, выступая источником и фундаментом понимания, приобретает в итоге понимание в качестве своего назначения и своего атрибута.

Анализируя формулу И. М. Ильинского «знание — понимание — умение», авторы показывают ее свойства как нелинейной триады, построенной в виде треугольника, в вершине которого стоит понимание, а каждый из трех элементов оказывается центром притяжения двух других. «Триада Ильинского» далее рассмотрена в свете положения о взаимодействии подсистем в функциональных системах. На этом основании сделан вывод, что правила тезаурусного метода предполагают выявление а) некоторых целостных фрагментов реальности, в отношении которых рассматривается такое взаимодействие; б) картины мира и интерпретационных схем, применяемых субъектом для понимания целостных фрагментов реальности; в) свидетельств проектирования субъектом обновления своего жизненного мира под влиянием означенных фрагментов как освоенных, понятных.

Показаны особенности применения триангуляции в тезаурусном анализе, которая из техники обработки эмпирических данных переходит в разряд методологических принципов тезаурусного подхода. Выдвинута гипотеза о диадном строе понимания (освоение чужого на основе освоенного своего) в отличие от триадного строя знания (свое, чужое и чуждое). Авторы характеризуют процесс понимания через его этапы: квазипонимание (априорная стадия), тезаурусный щелчок (старт понимания), мерцание смыс-

---

* Работа осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-33-01055, «Тезаурусный анализ в гуманитарном знании»).

The article is prepared with support from Russian Foundation for the Humanities (project No. 12-33-01055, “The Thesaurus Analysis in Humanities Knowledge”).

лов (процесс обогащения тезауруса новым знанием), тезаурусный катарсис (итог понимания). В заключении утверждается, что стратегия понимания выстраивает основания методологии тезаурусного подхода.

Ключевые слова: тезаурус, тезаурусный подход, методология гуманитарных наук, понимание, знание.

ВВЕДЕНИЕ

Греческое слово «тезаурус» (thésaurós) означает сокровище, сокровищницу. Образовавшийся от него научный термин стал использоваться в лингвистике, семиотике, информатике, теории искусственного интеллекта, а с 1990-х годов также и в культурологии, социологии, антропологии, литературоведении и других областях гуманитарного знания. Хотя значение термина меняется в зависимости от системы понятий, задающих строй той или иной науке, есть и то общее, что объединяет приписываемые тезаурусу смыслы: тезаурус — то, что характеризует некое *накопление, богатство, достаточность*. В работах, созданных в рамках научной школы «Тезаурусный анализ мировой культуры», тезаурус трактуется как *полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни* (Луков Вал., Луков Вл., 2008: 67). Эта трактовка лежит в основе тезаурусного подхода, который уже показал свою применимость в качестве методологии исследования общества и человека в обществе, основывающейся на активной роли субъекта в конструировании социокультурной реальности. Центральное место в этой методологии занимает тезис о том, что тезаурусы представляют собой *субъектно организованное гуманитарное знание*.

В ряде публикаций о тезаурусном подходе возникает неточность, в результате чего субъектная организация знания превращается в субъективную организацию. В силу того что субъективность по большей части в философском контексте выступает как антипод объективности, такая замена в данной ситуации неприемлема. Если идеалом научности признавать объективность знания, то *недостаток* объективности (каковым и определяется субъективность) или ее замена эмоциональными реакциями вряд ли могут быть методологическим основанием исследования. Субъектность же — вполне объективная характеристика, применяемая к человеку, человеческим общностям и организациям, когда нужно аналитически выявить присущую этим участникам социальной жизни (социокультурных процессов) черту, которую можно назвать *независимостью* от системы социальности более высокого порядка. Эта независимость выражается в двух взаимосвязанных свойствах: во-первых, *автономности*, во-вторых, *активности*.

С учетом этих утверждений рассмотрим в настоящей статье те стороны тезаурусного подхода, которые выявляют его стратегическую направленность на понимание как основание социальных и культурных ориентаций, а также творческого импульса для социокультурного конструирования реальности. Цель такого рассмотрения — показать, как фактор понимания структурирует тезаурус и обеспечивает его целостность и эффективное применение субъектом для жизнеобеспечения и саморазвития, иными словами — выстраивает взаимодействие его элементов и их структурных связей в границах автономной функциональной системы.

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК И ФУНДАМЕНТ ПОНИМАНИЯ

В тезаурусах, как и в других функциональных системах, само накопленное знание и его иерархическая структурность хоть и автономны, но имеют ограниченную степень свободы, поскольку обеспечивают не свои цели, а цели, источником которых является субъект. В этом смысле тезаурус — кладезь бесчисленных вариантов решений, оценок, алгоритмов действий, которые способны мгновенно всплыть в сознании (индивидуальном или коллективном) в момент мобилизации всей функциональной системы при решении жизненно важной задачи. И в менее ответственные для всей системы моменты тезаурус проявляется обычно не сам по себе, а в предлагаемых обстоятельствах, очерчивающих событие. Тезаурусные ресурсы в таких случаях реализуются как факты *понимания*.

Проблема понимания имеет длительную традицию исследования в философии, психологии, истории культуры, лингвистике, информатике, культурной антропологии, теоретической социологии. Мы хотим привлечь внимание к тому важному для нашей темы обстоятельству, что тезаурус — необходимое условие понимания, т. е. когнитивного (рационального и/или иррационального) освоения мира. Эффекты понимания разнообразны, и к ним в равной мере относят прояснение смысла, установление субъектом своей сопричастности чему-то или кому-то и получение от этого позитивного жизненного заряда либо, напротив, открытие таких сторон и свойств в чем-то или ком-то, которые вызывают отторжение и разочарование.

В аспекте тезаурусной концепции интерес представляют трактовки понимания, которые выявляют в качестве его основы ценности. Такова, в частности, концепция А. А. Ивина, который доказал, что операция понимания так же универсальна, как и операция объяснения, если понимание трактовать как отнесение к ценности, т. е. как выведение понимаемой ситуации из общего утверждения о должном. Это одна из концепций, которая в осмыслении феномена понимания выходит за пределы толкования лишь фактов языка (Ивин, 1987: 32; Ивин, 2006).

Особое представление о понимании находим в работах видного российского лингвиста В. З. Демьянкова, связывающего этот феномен с гипотетической интерпретацией (Демьянков, 1985). Есть точки зрения, сформировавшиеся в психолингвистике и лингвокультурологии, где придается особое значение связи понимания с индивидуальным знанием и картиной мира (Залевская, 1988; 1992; Карасик, 2002). В целом в различных трактовках понимания можно видеть и сложность проблемы, и широкие возможности для ее междисциплинарного изучения. Общим можно считать утверждение, что понимание по своей природе ценностно. Из этого следует, что субъектно ориентированный строй гуманитарного знания оказывается предпосылкой актов понимания и взаимопонимания.

Но понимание не придалок к знаниевой системе и не подчиненный в ней элемент. Оно обладает свойствами унифицировать взаимодействующие тезаурусы, но в не меньшей мере — индивидуализировать их исходя из гендерных, возрастных, социально-экономических, этнических и других различий субъектов, а в конечном счете — из различий личностных свойств и потенциалов. Именно потому и возможно обогащение смыслов в культурном диалоге, что понимание опирается на ресурсы личности. В диалоге поколений, полов, культур формируется понимание как *расширение человеческих горизонтов, освоение чужого с целью ввести его в состав своего*.

Таким образом, субъектная организация гуманитарного знания, выступая источником и фундаментом понимания, приобретает в итоге понимание в качестве своего назначения и своего атрибута. Вполне вероятно, что в когнитивных системах будущего понимание займет центральное место, оттеснив с первых ролей знание как такое (в традиционном понимании).

*ЗНАНИЕ — ПОНИМАНИЕ — УМЕНИЕ —
ФОРМУЛА ИЛЬИНСКОГО*

И. М. Ильинский, инициатор создания научного журнала Московского гуманитарного университета «Знание. Понимание. Умение», в статье, открывающей первый его номер, представил трактовку формулы, которая и составила название этого журнала. Формулу «знание — понимание — умение» мы называем «триада Ильинского». Она содержит полемику с другой триадой — известным ЗУНОм (знание, умения и навыки), признанным прежде всего в педагогических науках. В триаде Ильинского (относящейся уже не к педагогике, а к философии культуры) в центр выдвигается проблема понимания, и именно потому, что «всякий раз, когда непонимание происходящего в обществе достигает критической точки, возникает потребность прорыва в постижении действительных смыслов социальных явлений и событий не только выдающимися учеными и политиками, но и массами, из которых они рекрутируются» (Ильинский, 2004: 6). С позиций тезаурусной концепции это важное и фундаментальное утверждение: оно означает перемены в субъектной организации гуманитарного знания, которая не может в моменты кризиса понимания обеспечивать эффективную ориентацию в окружающей среде на всех уровнях социальности и создать условия для свободного развития личности.

Очевидно, что кризис понимания — определенный аспект переходности к новому состоянию знаниевых систем и основанных на них управляющих действий. Общество, обретая новые черты (информационное общество, общество знаний и т. д.), не сможет выйти на необходимый уровень развития, если не произойдет преодоление барьеров, порождаемых избыточностью информации, которой располагает социальный субъект. Здесь наращивание знаний — не лучший путь обновления науки, образования, всякой работы, основанной на знании. Преодоление информационной избыточности через понимание дает верное направление в постановке задач современной интеллектуальной деятельности.

И. М. Ильинский в своем докладе по случаю 80-летия А. А. Зиновьева (2002) обратил внимание на то, что глубина понимания «вообще» в конечном счете «зависит не столько от количества имеющейся у нас информации, сколько от духовно-нравственной зрелости и интеллектуального потенциала личности» (Ильинский, 2011: 185). К этому утверждению он добавляет важное наблюдение относительно «феномена Зиновьева»: «Глубина понимания Зиновьевым социальной действительности предопределяется тем, что в процессе познания он использует весь возможный инструментарий: мышление (он логик), слово и эмоции (он писатель и поэт), рефлекссию (он философ), зрение (он художник), эксперимент (он социолог) и т. д.» (там же: 187). Иными словами, понимание не является результатом лишь научного знания, оно — итог личностного развития по всем его направлениям, которые, соединяясь вместе, порождают действительную глубину понимания.

В триаде Ильинского выражен иной философский смысл, нежели в формуле ЗУН. Обратим внимание на то, что «знание — понимание — умение» представляет со-

бой именно триаду, а не три поставленные рядом понятия. Формула ЗУН означает некоторое сочетание предметов педагогической деятельности, но в этом сочетании его элементы не составляют логического движения от одного к другому: из знания непосредственно не вытекает умение, из умения не обязательно возникает навык, да и целесообразность такого движения от знания через умение к навыку сомнительна в значительном числе ситуаций, а значит, в присвоении ЗУН обозначения «триада» нельзя ориентироваться на гегелевскую триаду развития «тезис — антитезис — синтез».

В формуле Ильинского тоже нет этой прямой восходящей линии от начального состояния к его отрицанию и далее — к новому состоянию более высокого порядка, но есть нелинейная триада, построенная, как треугольник, в вершине которого стоит *понимание*, а каждый из трех элементов оказывается центром притяжения двух других. В этом случае раскрываются возможности взаимодействия знания, понимания и умения, притом что именно понимание обеспечивает переход триады на более высокие ступени развития, а в тезаурусном аспекте — на более высокие ступени осмысления и конструирования субъектом своего жизненного мира.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗНАНИЯ, ПОНИМАНИЯ И УМЕНИЯ

Для тезаурусного подхода триада Ильинского — это методологически значимый конструкт, определяющий, среди прочего, какого рода информация о Происходящем для исследователя существенна и как возможно выстраивать эту информацию вокруг первоэлементов тезауруса *свое, чужое, чуждог*. Вот почему для тезаурусного анализа сплав знания — понимания — умения — вовсе не отдаленное будущее, а вполне естественное настоящее. Собственно, этот сплав и составляет то, что обозначается нами как *комплекс* (ориентационный комплекс). Понимание — это специфическое состояние знания, освоенного субъектом; умение — это знание, реализованное в действии субъекта. Нетрудно заметить, что в обобщенном определении тезауруса мы фактически выстраиваем триаду Ильинского, принимая ее как продуктивную гипотезу.

Знание — понимание — умение следует представить в свете положения о взаимодействии подсистем в функциональных системах, выдвинутого П. К. Анохиным и развитого учеными его научной школы (прежде всего К. В. Судаковым): подсистемы не разделены перегородками, более того — вообще не жизнеспособны вне полезных для них действий других подсистем; подсистемы настроены на полезное содействие друг с другом для обеспечения жизнеспособности объединяющего их целого (Судаков, 2011).

И в нашем случае очевидно, что понимание не имеет смысла вне определенным образом сгруппированных знаний, отобранных из множества информационных источников, а проблемная ситуация понимания как раз и создается комбинацией знаний — уже известного и освоенного и ставшего известным в актуальной ситуации. Точно так же умение, хоть и возможно без понимания, но далеко не всегда и чаще всего в рутинных практиках. Творчество может быть непонятым, но у источника оно понятно (создателю, автору).

Если соглашаться с тем, что имеется не только возможность, но и необходимость взаимодействия знания, понимания и умения, то возникает определенное представление о том, что в тезаурусном подходе существенным должно признаваться выявление а) некоторых целостных фрагментов реальности, в отношении которых рас-

сматривается такое взаимодействие; б) картины мира и интерпретационных схем, применяемых субъектом для понимания целостных фрагментов реальности; в) свидетельств проектирования субъектом обновления своего жизненного мира под влиянием означенных фрагментов как освоенных, понятных (включая материализацию идей в социокультурной деятельности).

В известном смысле эти исследовательские действия надо признать *правилами тезаурусного метода*. Их специфику можно увидеть при сравнении с правилами социологического метода, предложенными в самом конце XIX в. Эмилем Дюркгеймом.

Э. Дюркгейм, стремясь провести границу между методами социологии и методами близких, но все же иных наук (действие, вполне тезаурусное: отделить своих от чужих), сформулировал в качестве первого и основного правила социологического метода, относящегося к наблюдению социальных фактов, следующее: «... *социальные факты нужно рассматривать как вещи*» (Дюркгейм, 1995: 40). Эта формулировка вызвала многочисленные нападки на предложенную Дюркгеймом концепцию, и он неоднократно возвращался к ее разъяснению. В предисловии ко второму изданию «Метода социологии» он, в частности, подчеркивал: «На самом деле мы не утверждаем, что социальные факты — это материальные вещи; это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад... Вещь — это всякий объект познания, который сам по себе непроницаем для ума; это все, о чем мы не можем сформулировать себе адекватного понятия простым приемом мысленного анализа; это все, что ум может понять только при условии выхода за пределы самого себя, путем наблюдений и экспериментов, последовательно переходя от наиболее внешних и непосредственно доступных признаков к менее видимым и более глубоким» (там же: 9). В рамках тезаурусного анализа такое разъяснение совершенно приемлемо, и, заметим, оно прямо предполагает акт понимания со стороны исследователя.

Но выводные правила из основного правила социологического метода (их французский ученый называет «короллариями» основного правила) мало приемлемы или вовсе не приемлемы для решения задач тезаурусного анализа. Каковы эти три короллария?

1. Нужно *«систематически устранять все предпонятия»* (там же: 55). Это правило, как указывает Дюркгейм, носит отрицательный характер: оно рекомендует социологу избавиться от привычных понятий и сосредоточить свое внимание на фактах. В тезаурусном анализе этого как раз не следует делать. Тезаурусный анализ прежде всего выявляет концепты, т. е. выражаемое в знаке сращение смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа. Так понимаемые концепты представляют собой в некотором смысле предпонятия. Но даже если исходить из того, что для Дюркгейма удалить предпонятия — это значит обеспечить условия для непредвзятого взгляда на факты, то тезаурусный подход ведет нас в другом направлении: нам именно важна предвзятость субъекта, создающего факт, порождающего его и своими действиями (бездействием), и своей интерпретацией действительности, и конструированием ее.

2. *«Объектом исследования следует выбирать лишь группу явлений, определенных предварительно некоторыми общими для них внешними признаками, и включать в это же исследование все явления, отвечающие данному определению»* (там же: 58). Демонстрируя примеры того, как ведется группировка объектов для исследования, Дюркгейм подчеркивает, что уже этой самой группировкой социолог

прямо вступает в сферу реального. Признак такого отнесения к группе может быть (1) всем сообщен, (2) всеми признан и (3) проверен независимо от данного исследователя. В этом случае выстраивается научное понятие, соответствующее объекту исследования, которое может отличаться от обыденного. Обыденное понятие бесполезно для исследователя, оно обозначает группу исследуемых явлений, но для целей науки требуется именно научное понятие. Надо сказать, в такой трактовке работы с понятиями в социологическом исследовании Дюркгейм предвосхищает более позднее представление об интерпретации понятий, применяемое сегодня повсеместно при составлении программ социологических исследований (в литературе по проблемам организации и проведения эмпирического социологического исследования авторы исходят из схемы и аргументов, выдвинутых Дюркгеймом, — см., напр.: Ядов, 1998: 83–91; Бабосов, 2000: 300–301; DeFleur et al., 1981: 29–29). В субъектной организации гуманитарного знания, что и есть тезаурус, иначе позиционируется присущая ей задача, а следовательно, иначе стоит и задача исследователя, применяющего тезаурусный подход. Эта инаковость задачи вытекает из того, что тезаурус как знаниевая система одновременно полон и неполон: он не может в принципе вместить в свой состав всю информацию об интересующем предмете, чему мешают многие обстоятельства. И в то же время он полон, поскольку, во-первых, достаточен для обеспечения функционирования системы в режиме ориентации в окружающей действительности и, во-вторых, субъективно полон, т. е. оценивается субъектом как полный. А значит, вместо задачи собрать все (социальные) факты, относящиеся к предмету исследования (как у Дюркгейма во втором королярии, правда, не реализованном самим автором в его работах, даже в поразительном по тщательности сбора данных его выдающемся труде «Самоубийство»), стоит задача собрать данные о том, что вошло в изучаемый тезаурус, что взаимодействует в нем в интересах ориентации и в интересах творческого развития субъекта.

3. *«Когда социолог предпринимает исследование какого-нибудь класса социальных фактов, он должен стараться рассматривать их с той стороны, с которой они представляются изолированными от своих индивидуальных проявлений»* (Дюркгейм, 1995: 67). Здесь особенно проявляется объективизм, присущий позитивистской социологии. Дюркгейм исходит из того, что подступать к исследованию социальной жизни с той стороны, с какой она представляет собой поток изменяющихся событий, «свободных течений», невозможно, это «не та сторона, с которой ученый может приступить к изучению социальной действительности». Его путь — поиск того в этой реальности, что выкристаллизовалось, стало устойчивым. Для тезаурусного подхода, конечно, важны объективные основания социальных фактов, но нет никакого смысла изолировать их от индивидуальных проявлений, поскольку тезаурусная организация знаний строится именно вокруг субъекта, на индивидуальном уровне — вокруг индивида с его неповторимыми личностными качествами.

Для методологии тезаурусного подхода ближе исследовательские принципы понимающей социологии Макса Вебера, который придавал особое значение смыслу, вкладываемому людьми в свои действия. Такой смысл может быть (1) «смыслом, действительно субъективно *предполагаемым* действующим лицом в данной ситуации, или приближенным, средним смыслом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций»; (2) «теоретически конструированным *чистым* типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом

или действующими лицами в данной ситуации» (Вебер, 1990: 603). Это значит, что объективно «правильном» смысле в социологии не может идти речи, что отличает ее, по Веберу, от таких наук, как юриспруденция, логика, этика. Одновременно это же означает, что человеческое действие не может исследоваться так же, как природный объект. М. Вебер присоединяется к Г. Риккерт в том, что различие наук о природе и наук об обществе должно производиться не по предмету, а по методу: по способу определения характерного, главного. Если в науках о природе поиск направлен на выявление общего, то в науках об обществе (или науках о культуре) — на обнаружение того, что значимо (ценно) для субъектов (Гайденко, Давыдов, 1991: 40).

«Отнесение к ценности» (*Wertbeziehung*) и есть специфическое методологическое средство социологии. Но, по Веберу, это не означает превращения науки в совокупность субъективных мнений: оценка, будучи субъективным и ситуативным суждением, должна быть устранена из исследования. Исследование, таким образом, должно строиться на принципе «отнесения к ценности» и «свободы от оценки».

«Отнесение к ценности» не означает стремления к субъективизму социальной науки, а характеризует то, насколько исследование актуально, как исследовательская тематика и ее интерпретация соотносятся с «интересом эпохи», а именно в нем, по Веберу, суть ценностей.

Этот методологический подход, имеющий параллели в других областях знания (психологии, культурологии, социальной антропологии и др.), значительно ближе к тезаурусному подходу, чем королларии Дюркгейма. Впрочем, именно королларии как содержащие абстрактные критерии научности, а не само научное творчество Дюркгейма.

ТРИАДНЫЙ СТРОЙ ЗНАНИЯ VS ДИАДНЫЙ СТРОЙ ПОНИМАНИЯ

В тезаурусном аспекте гуманитарное знание при всем его многообразии и по содержанию, и по форме может быть осмыслено как распадающееся на зоны *своего*, *чужого* и *чуждого*. Иначе говоря, гуманитарное знание имеет *триадный строй*. Такая триадная конструкция существенна для целей субъекта, вытекающих из ориентационной функции знания и функции обеспечения саморазвития субъекта. Это положение развивается в ряде работ по тезаурусному подходу (Захаров, 2008; Горизонты гуманитарного знания, 2011). Но еще не отмечались особенности понимания по отношению к тезаурусной системе первоэлементов. Нашей гипотезой является утверждение, что понимание характеризует не триадный, а *диадный строй*, т. е. понимание проявляет себя внутри тезауруса для освоения чужого на основе освоенного *своего*.

Соответственно этому различаются свойства знания и понимания: знания накапливаются *кумулятивно*, в том числе и про запас, т. е. не в связи с актуальной когнитивной задачей, в то время как понимание не нужно для иных задач, кроме актуальных, и значительная часть знаний может сохраняться без их обработки пониманием до какого-то момента. Из этого, в частности, следует, что *кумулятивность знания* наталкивается на *дискретность понимания*, что и может быть источником когнитивного диссонанса.

Если признать гипотезу о диадном строе понимания, то становятся ясными значительные различия в понимании людей с разным составом тезауруса одних и тех же событий, ситуаций, вообще — всякой информации о реальности. Одновременно проясняется эффект непонимания чего-то простого и ясного для людей необразованных людьми с высоким уровнем образованности. Характерно в этом последнем

аспекте высказывание, прозвучавшее в одном документальном фильме об Исландии: профессора не понимают исландских саг, ведь они люди грамотные, а саги выражают совсем иной мир.

На поверхности такого рода различия могут быть малозаметными, поскольку первоэлементы тезауруса выступают чаще всего не в прямой открытой форме, а представлены многообразными *деривациями*. Понимание в известном смысле и есть снятие покрова, образуемого деривациями.

ТРИАНГУЛЯЦИЯ В ТЕЗАУРУСНОМ АНАЛИЗЕ

В методическом аспекте при проведении тезаурусного анализа как исследовательской работы высвобождение первоэлементов из-под плена дериваций оказывается непростой задачей. Здесь не всегда возможно опереться на известные методы наук, поскольку в тезаурусе одновременно оказываются и порой сложно разделимы научные и ненаучные знания с разной степенью формализации и осознанности.

Проблемную ситуацию разрешает применение триангуляции. Метод *триангуляции* (от лат. *triangulum* — треугольник) используется в геодезии (при создании сети геодезических пунктов), математике (разбиение поверхности на треугольники), а также в социологии, где у термина иной смысл, лишь косвенно связанный с выше-названными: здесь триангуляция — это такой метод повышения надежности результата эмпирического исследования, который предусматривает перепроверку данных об объекте, полученных каким-то одним способом, путем привлечения данных о том же объекте, полученных другими способами.

Трактовка триангуляции для целей тезаурусного анализа, по сути, та же, что применяется для аналогичного метода в социологии. Здесь триангуляция означает при исследовании тезауруса задачу соединить (1) данные, полученные из вербальной фиксации знания — понимания — умения, (2) невербальные свидетельства сконструированного субъектом жизненного мира как Происходящего (картины мира), (3) следы материализации предпринятого субъектом проекта (реализованного замысла).

Следует заметить, что это те же параметры, которые мы выше отмечали при характеристике правил тезаурусного метода. Но здесь они конкретизируются применительно к эмпирическому исследованию.

Триангуляция в тезаурусном исследовании может пониматься и в полном соответствии с социологическим смыслом понятия, а именно как признание истинности полученного вывода, если он опирается на несколько разных по характеру сбора и обработки данных в отношении одного и того же исследуемого объекта. Наряду с вербализованными данными важны образная информация и свидетельства материальной и духовной деятельности людей. Каждую из этих групп данных не следует исключать из внимания исследователя.

Важно, в частности, то обстоятельство, что в конструировании жизненного мира субъект не меньше реализует образное восприятие действительности, чем опирается на логические формы ее анализа. В чем-то даже больше работает образная сторона картины мира. Характерно, например, что актер в современном обществе является чрезвычайно значимой фигурой, хотя в предыдущие эпохи этот социальный статус был невысоким, а в некоторых культурных ареалах даже и предельно низким. Изменения в системе коммуникации, развитие новых технологий в этой сфере сделали более значительным влияние образной персональной информации на формирование образа эпохи, страны, народа и т. д. Именно актер, известный по ставшим

популярными фильмам, несет на себе такого рода образную нагрузку (а не режиссеры этих фильмов и т. д.), причем не актер сам по себе, а *актер-в-роли*.

Вместе с тем триангуляция в тезаурусной теории трактуется сложнее, чем в социологии и других гуманитарных науках сегодняшнего дня, и относится не только к числу методических приемов подтверждения истинности выводов, но и к методологии исследования. Если к изучению объекта применены несколько различных методов, которые дали сходные результаты, то итог вполне очевиден: истинность вывода подтверждена, он обоснован, достоверен. Но зададимся вопросом: а если применение триангуляции не дало совпадения результатов? Как будто бы очевиден обратный итог: гипотеза оказалась ошибочной. Но если это может быть справедливо для социологии, то тезаурусный анализ как общегуманитарное исследование (его методология и методика) приводит не только к другому выводу, но и к другому подходу к получаемым результатам. Здесь истинность понимается не только как однозначность итоговых определений (хотя такой итог, если он был достигнут, не отмечается, даже приветствуется), но — и это основная цель тезаурусных исследований — как *полнота* полученных характеристик. Они могут не совпадать друг с другом, быть даже взаимоисключающими и в этом случае соединяться в соответствии со сформулированным в 1927 г. физиком Нильсом Бором принципом дополтельности. Такое применение триангуляции вносит новое не только в решение конкретного научного вопроса, а в само понимание гуманитарного знания и описываемого им мироустройства.

КВАЗИПОНИМАНИЕ ПРЕДШЕСТВУЕТ ЗНАНИЮ

Это наблюдение позволяет нам понять, что для построения тезаурусной теории важно не только соотношение знания и понимания, но особенно существенно само понимание знания. В обыденном сознании знание обычно выступает синонимом информации, что с позиции тезаурусного подхода неточно. Конечно, всякое знание есть информация, но информация не обязательно есть знание. Формула может быть такой: знание — это человеческая информация, очеловеченная информация, тезаурусная информация. В знание включается не всякая информация, а только по каким-то причинам важная для человека. Насколько могут расходиться объективная и очеловеченная информация (т. е. знание), показывает пример из древнейших этапов становления культуры человека — а мы исходим из гипотезы, согласно которой в явлении при его зарождении уже есть вся фундаментальная, наиболее важная его основа, но в свернутом, зародышевом виде, в дальнейшем своем развитии явление в наиболее глубоком своем слое, играющем фундаментальную роль в этом развитии, содержит исходные, зародышевые черты, даже если поверхностные слои их скрыли.

Французский археолог Анри Леруа-Гуран, проведя грандиозные изыскания, описав все изображения 63 гротов, известных к 1930–1940-м годам (а это более 2000 фигур), исследовав все выявленные ко времени исследования образцы первобытного искусства, выделил 19 основных «сюжетов» (Абрамова, 1972: 12). Среди них 610 лошадей, 510 бизонов, 205 мамонтов, 137 туров, 247 ланей и благородных оленей, 84 северных оленей, 36 медведей, 29 львов, 10 носорогов и т. д. К этим сюжетам добавляются знаки женского пола, число которых (третье после лошадей и бизонов) значительно превосходит число изображений самих женщин. Представлены и мужчины и знаки мужского пола (но в обратной пропорции). Есть и непонятные зубчатые зна-

ки и т. д. Из миллионов объектов, относимых к мировой информации, древних людей на протяжении тысяч лет заинтересовали 19 объектов — это и есть доказанный круг их знаний, которые прошли процедуру понимания, формирования на этой основе практических умений и составили основу древнейших тезаурусов.

Возникает вопрос: на какой же основе одна информация признается важной, входит в круг интересов, становится предметом исследования, умственных манипуляций, тезаурусно обрабатывается и, наконец, становится знанием, т. е. очеловеченной информацией, а другая — нет?

Как мы отмечали выше, связь элементов в триаде «знание — понимание — умение» не следует рассматривать как линейную, т. е. представлять дело так, что сначала существует знание, потом оно проходит через понимание и, наконец, через тестирование реальностью становится умением. Все элементы сплочены взаимодействием. Есть и предпроцесс. Понимание предшествует знанию, на основе понимания проходит отбор информации на право превратиться в знание. Непонятное мы обычно даже не видим, не выделяем из общего фона, если его нельзя по каким-то чертам или качествам сопоставить с понятным.

Но понимание пониманию рознь: то первоначальное понимание, т. е. его априорная, до опыта, до исследования, форма есть только некое неясное предвидение полезности информации для человека. Это своего рода квазипонимание, еще ничего существенного не сообщающее тезаурусным структурам о содержании, функциях и других характеристиках информации, кроме подозрения, что она может быть полезной (если это подтвердится, подозрение превратится в прозрение). Вот почему возможно кумулятивное накопление знания, даже когда оно происходит как бы про запас (пользуясь словами героини Гоголя: «А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся...»).

ТЕЗАУРУСНЫЙ ЩЕЛЧОК — СТАРТ ПОНИМАНИЯ

Процесс понимания, развиваясь во времени, тем не менее не обладает кумуляцией: он не может опираться на постепенное накопление понимания как такового, хотя и предполагает кумулятивное пополнение необходимой для понимания исходной информации. Скачкообразное движение понимания от более низкого уровня к уровню более высокому определяет и то, что для достижения понимающего эффекта нужны иные, чем в собственно знаниевом комплексе, механизмы.

Таков *тезаурусный щелчок*, дающий старт пониманию. Суть данного феномена в том, что нечто вдруг привлекает внимание человека, становится ему *интересным*. От этого *интересного* до удовлетворения потребности в понимании нет никакой дистанции, здесь, почти по Ньютону, взаимодействие мгновенно — как щелчок. Разумеется, более глубокое изучение психической подосновы понимания покажет, что мгновение в этом случае имеет длительность. Но в тезаурусном смысле это не существенно.

Важно также учитывать, что *интересным* в данном контексте является то, что привлекает внимание и порождает желание перевести *чужое* в *свое*. Здесь неприменимы прямые аналогии с трактовкой интереса в экономике, социологии, политологии и т. д., где интерес выступает как важная категория со своим устоявшимся значением в тесной связи с теорией потребностей.

«Тезаурусный щелчок» — это, конечно, образ, но образ, довольно точно передающий то, что происходит в тезаурусе, когда что-то становится интересным и стартует механизм понимания.

В литературе такой щелчок был не раз замечен писателями. Один из ярких примеров — знаменитый эпизод из первой части романа М. Пруста «В поисках утраченного времени», в котором центральный персонаж Марсель рассказывает о необычном впечатлении, полученном им от вкуса пирожного «мадлен», размоченного в липовом чае. Он не может понять, почему этот вкус сделал его таким счастливым, напомнив что-то из прошлого. Он включает все силы своего разума, чтобы вспомнить первоисточник этого впечатления. Но разум не может дать ответа. Точно так же Анри Бергсон (за которым Пруст здесь следует) утверждал, что истину разум постигнуть не может, так как он соотносит единичное с всеобщим, только интуитивное прозрение в состоянии постичь уникальность всего сущего. На нескольких страницах Пруст с вызывающей дотошностью описывает вкусовые ощущения героя, пока не сообщает о его интуитивном прозрении: «И вдруг воспоминание ожило. То был вкус кусочка бисквита, которым в Комбре каждое воскресное утро (по воскресеньям я до начала мессы не выходил из дому) угощала меня тетя Леония, когда я приходил к ней поздороваться» (Пруст, 1992: 48). Столь смехотворный вывод, да еще в обрамлении совершенно несущественных деталей, вызывает возмущение, раздражение, разочарование и ироническое отношение к писателю. Но это и есть тезаурусный щелчок. Пруст, продолжая упорствовать, еще почти целую страницу посвящает разного рода мелочным уточнениям. Добившись желаемого эффекта непонимания, Пруст пишет заключительный абзац, состоящий всего из трех, но огромных предложений, которые полностью меняют впечатление от предыдущего текста, делая весь эпизод необычайно значительным, имеющим глубокое философское содержание. При этом поразительно точно описываются последствия тезаурусного щелчка: «И как только я вновь ощутил вкус размоченного в липовом чае бисквита, которым меня угощала тетя (хотя я еще не понимал, почему меня так обрадовало это воспоминание, и вынужден был надолго отложить разгадку), в то же мгновение старый серый дом фасадом на улицу, куда выходили окна тетиной комнаты, пристроился, как декорация, к флигельку окнами в сад, выстроенному за домом для моих родителей (только этот обломок старины и жил до сих пор в моей памяти). А стоило появиться дому — и я уже видел городок, каким он был утром, днем, вечером, в любую погоду, площадь, куда меня водили перед завтраком, улицы, по которым я ходил, далекие прогулки в ясную погоду. И, как в японской игре, когда в фарфоровую чашку с водою опускают похожие один на другой клочки бумаги и эти клочки расправляются в воде, принимают определенные очертания, окрашиваются, обнаруживают каждый свою особенность, становятся цветами, зданиями, осязаемыми и опознаваемыми существами, все цветы в нашем саду и в парке Свана, кувшинки Вивоны, почтенные жители города, их домики, церковь — весь Комбре и его окрестности, — все, что имеет форму и обладает плотностью — город и сады, — выплыло из чашки чаю» (там же: 49).

Тезаурусный щелчок может произойти в любой момент и в самом неожиданном месте, он связан не столько с содержанием информации, сколько со способностью персонального тезауруса преодолевать рутинные операции, с тем, что называется любопытством, способностью искать и удивляться.

ПОНИМАНИЕ И ТЕЗАУРУСНОЕ МЕРЦАНИЕ СМЫСЛОВ

В процессе обогащения тезауруса новым знанием дистанция своего и чужого меняется как бы в режиме мерцания, что создает тезаурусное качество «мерцающей

структурности». По всей видимости, на это качество оказывает влияние несовпадение кумулятивности знания и дискретности понимания.

Прежде всего существенна непосредственная связь понимания с актуальной ситуацией. Ситуация может перемещаться между полюсами «актуально» и «неактуально», меняться волнообразно. Это и придает мерцательность смыслам, которые могут искажаться и даже полностью меняться в зависимости от того, какое место между полюсами они занимают в данный момент.

Мерцание значений (смыслов), присущее тезаурусу и влияющее на многие стороны деятельности субъекта и его идентичность, отражает неустойчивый баланс понятного и непонятного, который в актуальной ситуации приобретает зримые черты. При этом важным становится то, что тезаурус как знаниевая система не имеет полного наложения знания и понимания. Это и невозможно, и ненужно. Значительная часть знаний, имеющихся у субъекта, не подвергнута операции глубокого понимания, поскольку этого не требует актуальная ситуация.

Понимание включается только тогда, когда ситуация актуальна, и такое включение имеет квантовую природу: оно осознается как озарение, катарсис.

ТЕЗАУРУСНЫЙ КАТАРСИС — ОЩУЩАЕМЫЙ ИТОГ ПОНИМАНИЯ

Понимание — не только интеллектуальная процедура, но и эмоциональный процесс. С точки зрения чисто теоретического рассмотрения понимание никогда не может быть завершено, что и объясняет постоянное возвращение к одним и тем же предметам философского размышления, научного исследования во всех областях знания. Причем и знания естественно-научного, которое опирается на объективные факты, измерения, эксперименты, которые, казалось бы, не зависят от субъекта. А. Эйнштейн пересмотрел основы физики И. Ньютона на основании осмысления ряда выявленных другими учеными вполне объективных фактов (например, постоянства скорости света). Но с возникновением экспериментальной базы исследования частиц вещества меньше молекулы и ядра стало ясно, что формулы теории относительности неприменимы к микромиру, зато этот мир описывается квантовой физикой. С открытием «черных дыр» и появлением представления о «горизонте событий» в их модели оказалось, что формулы теории относительности не работают и в мире макрообъектов. Стивен Хокинг поставил перед собой и перед человечеством проблему «создать теорию всего» (Hawking, 2006), но попытки объединить теорию относительности и квантовую теорию, создать общую теорию всех четырех взаимодействий, выявленных физиками, пока далеки от завершения. Если в области гуманитарного знания представление о гении, создающем новое понимание масштабных гуманитарных явлений, вполне оправдано субъектной организацией этого знания, то в естественно-научном секторе появление таких понятий, как теория относительности Эйнштейна, принцип дополнительности Бора, бозон Хиггса, менее оправданы, если наука претендует на объективный, независимый от человека результат. Понимание становится мерцающим, появляются даже утверждения полного отсутствия понимания мироустройства на сегодняшний день.

И все же тезаурус организован так, что применительно к конкретным задачам всегда есть момент, когда достигается понимание осваиваемого знания. Тогда наступает просветление, восторг, потрясение от ясности и простоты ответа. Можно при-

вести многочисленные примеры из литературы, например из тех гениев понимания, вошедших уже в число «вечных образов», каковыми предстают Шерлок Холмс у А. Конан Дойля, Эркюль Пуаро у Агаты Кристи. Эти герои постоянно восклицают: «Как же я раньше не догадался?» В момент прозрения их охватывает неумемная радость, даже если рядом кровь и трупы, угроза жизни, убийцы в одной с ними комнате. Это чувство сродни тому, которое испытывают композиторы, художники, поэты, завершив свое творение, даже если это реквием, или «Последний день Помпеи», или «Гамлет» с горой убитых героев в финале.

Есть основания завершающую стадию понимания назвать термином «катарсис». У Аристотеля в «Поэтике» этот термин не разъяснен и трактуется как «очищение страхом и состраданием». В психологии, где широко используется этот термин, он характеризует психологический процесс, который можно определить понятием «потрясение». И в обыденной жизни человек испытывает ярко выраженные потрясения, открыв для себя ту или иную истину. При этом его понимание может быть и ошибочным.

Тезаурусный катарсис присущ не только отдельным людям, но и группам людей, классам, народам — так как тезаурусом обладают и малые, и большие общности людей. Это может быть открытие своей общественной, религиозной миссии, новое понимание справедливости, создание новой системы ценностей, возведение в культ писателей, музыкантов, спортсменов, осмысление своей национальной идентичности (Костина, 2011) и т. д. Этот катарсис может быть трудно отличим от массового психоза. Тезаурус (и персональный, и групповой) почти всегда несет уверенность в своей правоте, в полноте своего понимания, в глубине этого понимания. А также и в том, что большинство вещей никакого понимания не требуют.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, стратегия понимания выстраивает основания методологии тезаурусного подхода. Источником и фундаментом понимания выступает субъектная организация гуманитарного знания, которая, собственно, и строится на императиве субъектности «знания — понимания — умения». В этой формуле реализуется триада взаимодействующих компонентов функциональной системы, каковой является тезаурус. При этом понимание выступает ограничителем знания (возникает область глубоко понятого знания), а умение — ограничителем понимания (здесь важны структуры умения, никак не сводимого к навыкам, но и включающего их, — такие структуры, как гуманитарная экспертиза и социогуманитарное проектирование: одна связана с тестированием реальностью, другая — с предвидением будущего).

Тезаурусный подход, соединяя триаду Ильинского с положениями теории функциональных систем Анохина — Судакова, утверждает взаимодействие знания — понимания — умения. Это дает исследователю социокультурных явлений и процессов дополнительные инструменты в научном поиске.

Стратегия понимания важна и для конструирования жизненного мира субъектом, его проектных решений. В этом направлении строится концепция Нового Энциклопедизма, развиваемая в Институте фундаментальных и прикладных исследований МосГУ (Новый Энциклопедизм, 2013). Новый Энциклопедизм выражает подход, который может быть применен к организации знания в сообществах с разными тезаурусами и разной потребностью в ориентирующем и развивающем знании и стать эффективным инструментом в деятельности по преодолению информационного

взрыва, который, в сущности, никогда не может стать взрывом знания, ибо так устроен тезаурус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова, З. А. (1972) Древнейшие формы изобразительного творчества (Археологический анализ палеолитического искусства) // Ранние формы искусства : сб. статей / под ред. Е. Г. Мелетинского. М. : Искусство. 480 с. С. 9–31.
- Бабосов, Е. М. (2000) Прикладная социология : учеб. пособие. Минск : TerraСистемс. 496 с.
- Вебер, М. (1990) Избр. произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс. 808 с.
- Гайденко, П. П., Давыдов, Ю. Н. (1991) История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М. : Политиздат. 367 с.
- Горизонты гуманитарного знания (2011) / под общ. ред. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. М. : ГИТР. 348 с.
- Демьянков, В. З. (1985) Основы теории интерпретации и ее приложения к вычислительной лингвистике. М. : Изд-во Моск. ун-та. 76 с.
- Дюркгейм, Э. (1995) Социология. Ее предмет, метод и назначение : пер. с фр. / сост., послесл., примеч. А. Б. Гофмана. М. : Канон. 352 с.
- Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 320 с.
- Залевская, А. А. (1988) Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та. 95 с.
- Залевская, А. А. (1992) Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь : Изд-во ТГУ. 136 с.
- Ивин, А. А. (1987) Ценности и понимание // Вопросы философии. № 8. С. 31–43.
- Ивин, А. А. (2006) Аксиология. М. : Высш. школа. 390 с.
- Ильинский, И. М. (2004) К читателям журнала «Знание. Понимание. Умение» // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 5–7.
- Ильинский, И. М. (2011) Прошлое в Настоящем : Избранное. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 840 с.
- Карасик, В. И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Костина, А. В. (2011) Национально-культурная идентичность в ситуации диалога культур [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 6 (ноябрь — декабрь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Kostina_National-and-Cultural-Identity/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 10.07.2013).
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.
- Новый Энциклопедизм (2013) : материалы конференции Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета 15 февраля 2013 г. / отв. ред. Вл. А. Луков, Ч. К. Ламажаа. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 80 с.
- Пруст, М. (1992) В поисках утраченного времени. М. : Крус. Т. 1. По направлению к Свану / пер. с фр. Н. М. Любимова. 380 с.
- Судаков, К. В. (2011) Функциональные системы. М. : Изд-во Рос. акад. мед. наук. 319 с.
- Ядов, В. А. (1998) Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Добросвет. 596 с.
- DeFleur, M. L., D'Antonio, W. V., DeFleur, L. B. (1981) Sociology: Human Society. 3rd ed. Glenview, IL : Scott, Foresmann and Co. 614 p.
- Hawking, S. (2006) The Theory of Everything: The Origin and Fate of the Universe. L. : Phoenix Books. 136 p.

Дата поступления: 10.07.2013 г.

*THE METHODOLOGY OF THE THESAURUS APPROACH:
A STRATEGY FOR UNDERSTANDING
VAL. A. LUKOV, VL. A. LUKOV
(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)*

Many Russian scientists apply the thesaurus approach as a methodology of the humanities and social studies. In the foundation of these investigations there is the definition of the thesaurus as a full systemized corpus of knowledge that a social subject has assimilated. This knowledge is substantial for the subject as a mean of orientation in the environment. Besides, the corpus contains knowledge that is not related to the orientation function directly. This kind of knowledge expands the subject's understanding of him/herself and the world. It gives impulses for a joyful, interesting and varied life. In the article, the authors set a goal to show how the factor of understanding structures the thesaurus, assures its integrity and effective application by a subject for life necessities and self-development.

The authors argue that understanding exhibits characteristics to unify interacting thesauri and at the same time to individualize them on the assumption of differences between subjects. The subjective organization of human knowledge being the source and basis of understanding eventually obtains it as its purpose and attribute.

Analyzing Igor M. Ilinskiy's formula "knowledge — understanding — skill" the authors show its features as a nonlinear triad developed in the form of triangle. In the apex of this triangle there is understanding and all of the three elements appear to be the center of gravity for the two others. Then "Ilinskiy's triad" is considered in the light of the statement on the inter-assistance of subsystems in functional systems. On this basis, a conclusion is made that the rules of the thesaurus approach presupposes the discovery of a) some integral fragments of the reality in the context of which such inter-assistance is considered; b) world view and interpretative schemes applied by the subject for the understanding of the integral fragments of the reality; c) the evidence of the subject's projection of a renewal of his/her existential world under the influence of the denoted fragments as assimilated and comprehensible.

The article indicates the features of the application of triangulation in the thesaurus analysis. The triangulation transforms from a technique for empirical data processing into a methodological principle of the thesaurus approach. The authors suggest a hypothesis about the diad-like structure of understanding (assimilation of the unfamiliar on the basis of the acquired familiar) in contrast to the triad-like structure of knowledge (one's own, someone else's and extraneous). They characterize the process of understanding through its stages: quasi-understanding (the a priori phase), the thesaurus click (the start of understanding), the thesaurus flickering of meanings (the process of enrichment of the thesaurus with new knowledge), and the thesaurus catharsis (the result of understanding). In the conclusion, it is stated that the strategy of understanding establishes the foundations of the methodology of the thesaurus approach.

Keywords: thesaurus, the thesaurus approach, methodology of the humanities, understanding, knowledge.

REFERENCES

- Abramova, Z. A. (1972) *Drevneishie formy izobrazitel'nogo tvorchestva* (Arkhеologicheskii analiz paleoliticheskogo iskusstva) [The Earliest Forms of Fine Arts (An Archaeological Analysis of Paleolithic Art)]. In: *Rannie formy iskusstva* [The Early Forms of Art] : collected works. Moscow : Iskusstvo Publ. Pp. 9–31. (In Russ.).
- Babosov, E. M. (2000) *Prikladnaia sotsiologiya* [Applied Sociology] : study guide. Minsk : TerraSystems Publ. 496 p. (In Russ.).
- Veber, M. (1990) *Izbr. proizvedeniia* [Selected Works] : transl. from German / collect., general editorship and afterword by Yu. N. Davydov ; foreword by P. P. Gaidenko. Moscow : Progress Publ. 808 p. (In Russ.).
- Gaidenko, P. P., Davydov, Yu. N. (1991) *Istoriia i ratsional'nost' : Sotsiologiya Maksa Vebera i veberovskii renessans* [History and Rationality: The Sociology of Max Weber and the Weber Renaissance]. Moscow : Politizdat Publ. 367 p. (In Russ.).

Gorizonty gumanitarnogo znaniia [The Horizons of Human Knowledge] (2011) / general editorship by Val. A. Lukov, Vl. A. Lukov. Moscow : Humanities Institute of TV and Radio Broadcasting Press. 348 p. (In Russ.).

Dem'iankov, V. Z. (1985) *Osnovy teorii interpretatsii i ee prilozheniia k vychislitel'noi lingvistikhe* [The Foundations of the Theory of Interpretation and Its Application to Computer Linguistics]. Moscow : Moscow State University Press. 76 p. (In Russ.).

Diurkgeim, E. (1995) *Sotsiologiia. Ee predmet, metod i naznachenie* [Sociology. Its Subject, Method and Purpose] : transl. from French / collect., afterword, notes by A. B. Gofman. Moscow : Kanon Publ. 352 p. (In Russ.).

Zakharov, N. V. (2008) *Shakespeareizm russkoi klassicheskoi literatury: tezaurusnyi analiz* [The Shakespearianism of Russian Classical Literature: The Thesaurus Analysis]. Moscow : Moscow University for the Humanities Press. 320 p. (In Russ.).

Zalevskaia, A. A. (1988) *Ponimanie teksta: Psikholingvisticheskii podkhod* [Text Understanding: The Psycholinguistic Approach]. Kalinin : Kalinin State University Press. 95 p. (In Russ.).

Zalevskaia, A. A. (1992) *Individual'noe znanie : Spetsifika i printsipy funktsionirovaniia* [Individual Knowledge: The Specifics and Principles of Functioning]. Tver : Tver State University Press. 136 p. (In Russ.).

Ivin, A. A. (1987) *Tsennosti i ponimanie* [Values and Understanding]. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 31–43.

Ivin, A. A. (2006) *Aksiologiia* [Axiology]. Moscow : Vysshiaia shkola Publ. 390 p. (In Russ.).

Ilinskiy, I. M. (2004) K chitateliam zhurnala «Znanie. Ponimanie. Umenie» [To the Readers of "Knowledge. Understanding. Skill" Journal]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 5–7. (In Russ.).

Ilinskiy, I. M. (2011) *Proshloe v Nastoiashchem : Izbrannoe* [The Past in the Present : Selected Works]. Moscow : Moscow University for the Humanities Press. 840 p. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002) *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The Language Circle: The Person, Concepts, Discourse]. Volgograd : Peremena Publ. 477 p. (In Russ.).

Kostina A. V. (2011) Natsional'no-kul'turnaia identichnost' v situatsii dialoga kul'tur [National and Cultural Identity in the Situation of Dialogue of Cultures]. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*, no. 6 (November — December). [online] Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Kostina_National-and-Cultural-Identity/ [archived in WebCite] (accessed 10.07.2013). (In Russ.).

Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy: Sub'ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia* [Thesauri: The Subjective Organization of Humanities Knowledge]. Moscow : The National Institute of Business Press. 784 p. (In Russ.).

Novyi entsiklopedizm [New Encyclopaedism] (2013) : Conference Proceedings of the Institute of Fundamental and Applied Studies at Moscow University for the Humanities, 15 February, 2013 / ed. by Vl. A. Lukov, Ch. K. Lamazhaa. Moscow : Moscow University for the Humanities Press. 80 p. (In Russ.).

Prust, M. (1992) *V poiskakh utrachennogo vremeni* [In Search of Lost Time]. Vol. 1 : Po napravleniiu k Svanu [Swann's Way] : transl. from French by N. M. Liubimov. Moscow : Krus Publ. 380 p. (In Russ.).

Sudakov, K. V. (2011) *Funktional'nye sistemy* [Functional Systems]. Moscow : The Russian Academy of Medical Sciences Press. 319 p. (In Russ.).

Iadov, V. A. (1998) *Strategiia sotsiologicheskogo issledovaniia : Opisanie, ob'iasnenie, ponimanie sotsial'noi real'nosti* [A Strategy of Sociological Research: Description, Explanation, and the Understanding of Social Reality]. Moscow : Dobrosvet Publ. 596 p. (In Russ.).

DeFleur, M. L., D'Antonio, W. V. and DeFleur, L. B. (1981) *Sociology: Human Society*. 3rd ed. Glenview, IL : Scott, Foresmann and Co. 614 p.

Hawking, S. (2006) *The Theory of Everything: The Origin and Fate of the Universe*. London : Phoenix Books. 136 p.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия) — вице-президент МАН, академик Международной академии наук педагогического образования. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-82-58. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

Луков Владимир Андреевич — доктор филологических наук, профессор, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук), Международной академии наук педагогического образования, член Шекспировской комиссии РАН, лауреат Бунинской премии. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: lookoff@mail.ru

Lukov Valery Andreevich, Doctor of Science (philosophy), professor, the pro-rector for scientific and publishing work — director of the Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; the honored scientist of the Russian Federation, full member of the International Academy of Science (Innsbruck, Austria) — vice president of the IAS, full member of the International Teacher's Training Academy of Science. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-82-58. E-mail: v-lukov@list.ru

Lukov Vladimir Andreevich, Doctor of Science (philology), professor, the director of the Theory and History of Culture Center of the Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; the honored scientist of the Russian Federation, full member of the International Academy of Science (Innsbruck, Austria), full member of the International Teacher's Training Academy of Science, member of the Shakespeare Committee of the Russian Academy of Sciences, laureate of the Bunin Prize. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: lookoff@mail.ru